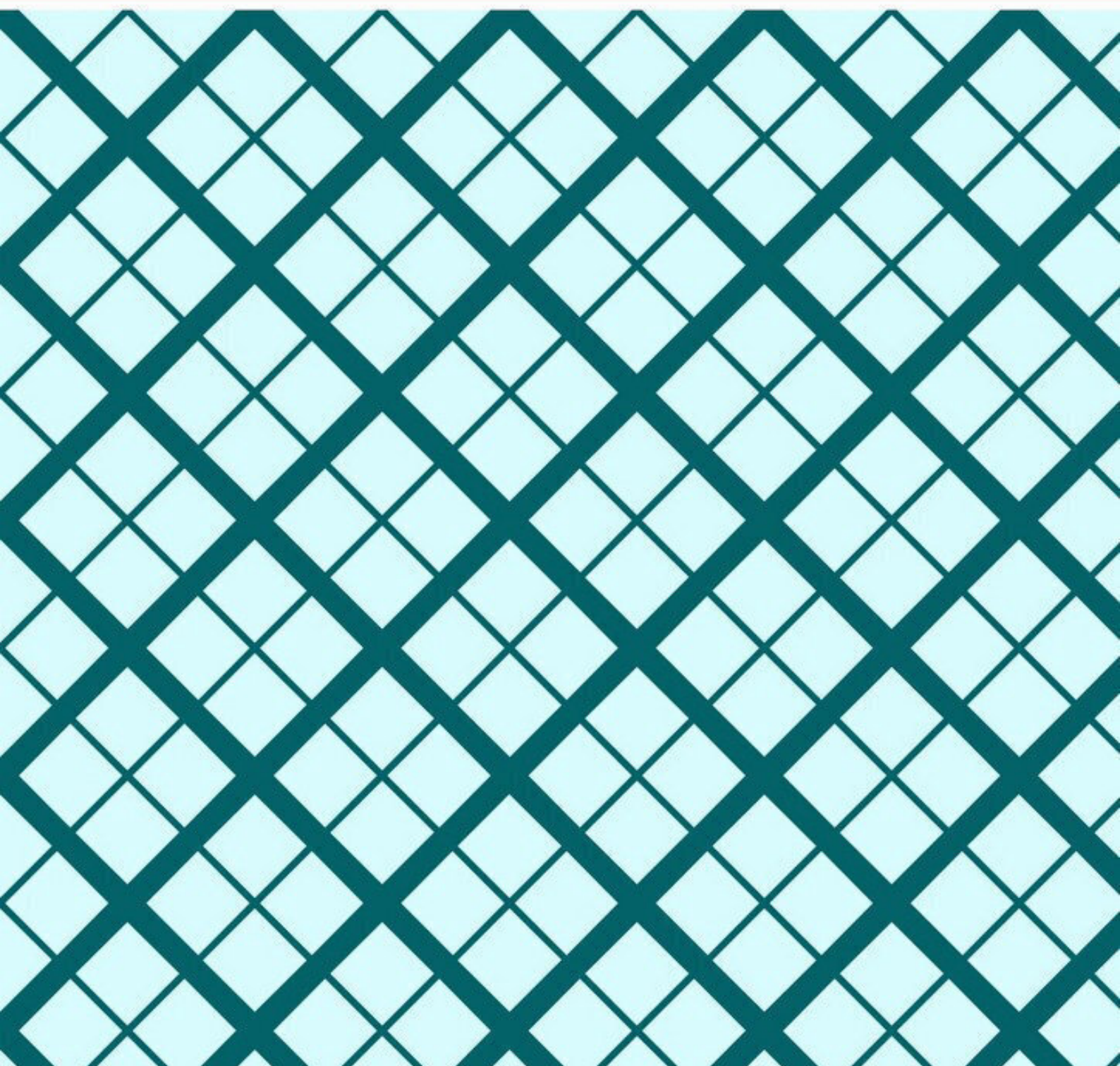

18+

ВЯЧЕСЛАВ ЖИДКОВ

Изомат и бабулька

Вячеслав Жидков
Изомат и бабулька

«Издательские решения»

Жидков В.

Изомат и бабулька / В. Жидков — «Издательские решения»,

Молодой человек, ищущий что-то или кого-то в толпе, неожиданно для себя замечает одну интересную, ему одному, бабушку. Если бы он знал, кто она, наверное прошел бы мимо... Или?

© Жидков В.

© Издательские решения

Изомат и бабулька

Вячеслав Жидков

© Вячеслав Жидков, 2026

ISBN 978-5-0069-9433-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Молодой юноша, лет 20, в сложных к пониманию одеждах шел по улице, разглядывая прохожих. Он не смотрел в глаза, он смотрел сквозь людей, как бы пытаюсь уловить суть, дух. Внезапно среди толпы он разглядел престарелую женщину. Она была дряблой от слова совсем. С какой то непонятной котомкой, то ли сумка, то ли мошна. Что то вроде мини рюкзака. Странно. Почему именно она? Здравствуйте бабушка, позвольте представиться, меня зовут Изомат. Я не местный. Вы в выглядите очень бледной и усталой, позвольте вам помочь?

Вот вариант продолжения, в духе магического реализма и легкого абсурда (ведь имя Изомат — это либо строительный утеплитель, либо нечто потустороннее, связанное с формой и материей):

Старуха остановилась не сразу. Ее ноги в стоптанных галошах еще сделали полшага по инерции, словно тело не поверило, что к ней обратились. Она медленно, как старая башенная пушка, развернулась всем корпусом.

Глаза у нее оказались не выцветшими, как ожидал Изомат, а цвета крепкого чая — темные и неожиданно цепкие. Они скользнули по его сложным одеждам (кажется, сегодня он выбрал фактуру мешковины с вкраплениями слюды и старых микросхем) и остановились на лице.

— Изо... мат? — голос у нее был сухим, как пергамент, но без тени старческого дребезжания. — Это по-каковски ж тебя так окрестили, мил человек? По утеплителю, что ли?

Юноша чуть склонил голову к плечу. Прохожие обтекали их, как река обтекает камень, не замечая, что время в этой точке сгустилось.

— Нет, бабушка. Это от слов «изолировать» и «материя». Я работаю с границами. Вижу, где кончается одно и начинается другое. — Он снова посмотрел *сквозь* нее, на мгновение задержав взгляд на старой котомке. — А вас я увидел, потому что... вы закончились.

Старуха хмыкнула, но не испугалась. Она поправила лямку своего странного мини-рюкзака, который висел на груди, а не на спине, как у молодежи.

— Все мы когда-нибудь закончимся, — сказала она спокойно. — Кому усталой, кому бледной. Ты лучше скажи, чем помочь-то хочешь? Донести *это*?

Она хлопнула ладонью по котомке. Звук вышел глухой и странно тяжелый, будто внутри лежал не тряпичный узелок, а свинцовый шар.

Изомат впервые за долгое время моргнул с явным удивлением.

— Я хотел предложить проводить вас... до черты. Обычно люди устают идти к ней сами. Но у вас в сумке, — он понизил голос до шепота, — там ведь не вещи. Там вес. Вес прожитых лет, которые вы таскаете с собой, чтобы не стать пустой.

Старуха посмотрела на него долгим взглядом и вдруг улыбнулась беззубым ртом. Улыбка вышла жутковатой, но живой.

— Молодой, да глазастый. Только зря ты, Изомат, в суть мою полез. Я бледная и усталая, это верно. Но только потому, что вчера в пятом часу утра картошку на базар волокла и продрогла. А в сумке у меня не годы, а огурцы малосольные и банка сметаны, внучку в общежитие несу. Пойдем, проводишь до трамвая, коли смотреть сквозь меня перестанешь.

Она развернулась и, шаркая галошами, пошла дальше, оставляя за собой невидимый, но осязаемый запах укропа и деревенского погреба.

Изомат стоял и смотрел ей вслед. Впервые он увидел не дух, не суть, и не усталую оболочку, а просто человека, который настолько крепко замешан на жизни, что даже смерть пока не решается попросить у нее огурчик.

Я всегда любил Париж, знаете, ещё каких то 500 лет назад все было совсем по другому. Ну вы знаете — раньше? Нам почему то всегда кажется что раньше лучше. Вы наверное были молодой и очень активной в молодости, а чем вы занимались бабушка? Сколько вам лет?

Старуха остановилась у гранитного парапета набережной. Она не обернулась, но плечи ее чуть дрогнули — то ли от смеха, то ли от сквозняка с Сены, которой тут отродясь не было.

— Пятьсот лет, говоришь... — она пожевала губами. — А я уж думала, ты из этих, из новых. Которые дальше вчерашнего лайка в телефоне ничего не помнят.

Она присела на холодный камень и жестом пригласила Изомата сесть рядом. Котомку с огурцами поставила на колени.

— Ты, Изомат, не смотри, что я сейчас как моль траченная. Когда мне было столько, сколько тебе сейчас, я такие штуки вытворяла — тебе и не снилось. Я в то время не по улицам ходила, я по крышам бегала. Вот этими самыми ногами. — Она хлопнула себя по колену, обтянутому чулком в рубчик.

Изомат сел. Он машинально коснулся мостовой и уловил вибрацию времени: под слоем XXI века лежали булыжники века XIX, а еще глубже — утоптанная глина и запах конского навоза.

— Я была **фонарщицей**, — сказала старуха, и в ее глазах цвета чая вспыхнул живой, жадный огонек. — Нет, не той, что с лесенкой и фитильком. Я зажигала другие огни. Когда на город опускался туман, густой, как сметана в моей банке, и никто не мог найти дорогу домой, я выходила на мост и выдыхала огонь.

Она засмеялась. Изомат заметил, что смех у нее молодой, переливчатый, как колокольчик на шесте уличного акробата.

— Ты, поди, думаешь, брешет старая? А ты на мою котомку глянь. Думаешь, там правда огурцы?

Старуха развязала тесемки. Изнутри пахло не укропом, а воском, пылью старых манускриптов и почему-то жареным миндалем. Она запустила руку по локоть (хотя котомка была размером с небольшую дыню) и вытащила маленькую стеклянную колбу. Внутри колбы метался и бился крошечный язычок пламени — не желтый, не синий, а цвета парижских сумерек, серовато-сиреневый.

— Вот. Это свет с Нового моста. 1607 год. Еще Генриха Четвертого помнит. Я тогда как раз мимо бежала, юбки подоткнув, и случайно вдохнула этот огонек. Так и остался.

Изомат протянул руку к колбе, но старуха проворно убрала ее обратно в бездонную котомку.

— А лет мне, — она прищурилась, — четыреста девяносто восемь. Но по паспорту — семьдесят два. В Паспортном столе, знаешь ли, плохо верят в женщин, которые дышат огнем и помнят запах невымытых мушкетеров. А теперь скажи мне, Изомат... раз уж ты любишь Париж, который был *раньше*, зачем ты смотришь на меня сквозь, когда я тут, перед тобой, живая, с огурцами и светом с Нового моста? Может, просто поможешь донести сумку до трамвая? А по дороге я тебе расскажу, чем пахла Сена в 1626 году. Поверь, там совсем не романтика, там была сплошная антисанитария.

Она подмигнула и протянула ему локоть, с которого свисала ляжка котомки, полной огурцов и уличных огней давно ушедших эпох.

Небрежно и осторожно одновременно со страхом и смелостью, Изомат взял ее руку под мышку. Медленно передвигаясь в сторону трамвая, внутри разгорался непонятный вкус плоти,

как будто не бабушка в руках, а свежий, только что приготовленный пирог с черникой. Так и съел бы живьем, блин, странные мысли, подумал Изомат, усаживая бабулю в кресло. Я оплачу проезд? Вы не против?

Старуха опустила в жесткое пластиковое кресло трамвая с грацией королевы, которую усадили на трон из ящика из-под бананов. Она поправила юбку, поставила котомку на колени и только после этого подняла глаза на Изомата. Взгляд был острый, как осколок того самого стекла из-под фонаря 1607 года.

— Оплатишь, милоч. Оплатишь. Только не проезд. — Она похлопала сухонькой ладошкой по сиденью рядом. — Садись. И выдыхай.

Изомат замер. Внутри трамвая пахло мокрыми перчатками, озоном от пантографа и тем самым черничным пирогом, который мерещился ему в ее руке. Он вдруг понял, что не может отпустить ее локоть. Пальцы словно приклеились к шершавой ткани старого драпового пальто.

— Ты почувствовал, — сказала старуха тихо, почти шепотом, чтобы не слышала кондукторша, пробивающая билеты в другом конце вагона. — Почувствовал вкус плоти. Думаешь, я не знаю? Я фонарщица, Изомат. Я чувю, когда в человеке загорается голод. Только это не ко мне голод. Это сквозь меня.

Трамвай дернулся и поехал. За окном поплыли мокрые вывески, желтые прямоугольники окон, за которыми жили чужие, обычные жизни.

— Ты ведь не просто так ходишь в своих сложных одеждах и смотришь *сквозь*, — продолжала она, глядя прямо перед собой. — Ты **ищешь форму**. Ты изолируешь материю, потому что боишься того, что внутри тебя самого. Голода по живому, по настоящему, по тому, что пахнет черникой и дымом, а не вот этой... — она брезгливо покосилась на рекламу доставки суши на потолке вагона, — ...пластиковой вечностью.

Изомат медленно опустился на сиденье рядом. Его сложные одежды зашуршали, слои мешковины и микросхем пошли рябью, как поверхность воды, в которую бросили камень.

— Я не хотел вас... съесть, — выдавил он. Голос прозвучал глухо, словно из-под толстого слоя утеплителя. — Это вырвалось. Просто вы... вы такая **плотная**. В вас столько времени. Столько слоев. Вы как пирог. Слоеный пирог из эпох, запахов и... огурцов.

Старуха вдруг громко, на весь трамвай, расхохоталась. Кондукторша обернулась, но тут же отвернулась — мало ли чокнутых старух в одиннадцатом часу вечера.

— А ты мне нравишься, Изомат! — она пихнула его локтем в бок. — Честный. Другой бы уже юлил, мол, «ой, бабушка, что вы, я только хотел место уступить». А ты сразу: «съел бы живьем».

Она посерьезнела. Трамвай качнуло на стрелке, и огонек в ее глазах на миг мигнул, как свеча на сквозняке.

— Только запомни, мальчик. Я не пирог. И не дряблая плоть. Я — **фитиль**. Я горела пятьсот лет и еще столько же гореть буду. И если ты сейчас укусишь, то обожжешься так, что твои красивые сложные одежды вспыхнут, как прошлогодняя листва. И останется от тебя только запах гари и маленькая лужица расплавленных микросхем.

Трамвай затормозил. Остановка «Улица Старых Кузниц».

— Моя, — сказала старуха, вставая. — Пойдем, поможешь спуститься. И проезд оплачивать не надо, у меня льгота. А ты лучше купи нам по дороге настоящего хлеба из пекарни. Черного. С корочкой. Будем есть, и я тебе расскажу, чем на самом деле пахла Сена в 1626-м, когда по ней плыли баржи с сеном и дохлыми кошками. Вот там была **плоть**, милоч. Вот там была жизнь. А не этот твой черничный пирог из головы.

Она взяла его под руку сама — крепко, по-хозяйски, и потянула к выходу из вагона, в сырую осеннюю ночь, пахнущую электричеством, мокрым асфальтом и, где-то вдалеке, едва уловимо — свежей выпечкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.